

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Рогожиной Елены Игоревны на тему: «Моделирование речевого поведения интеллигента в отечественной драматургии 60-80-х гг. XX века» (Саратов, 2024. 248 с.), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5 Русский язык. Языки народов России

Рецензируемое исследование посвящено полиаспектному рассмотрению стилистических репрезентантов речевого поведения интеллигента. В научной литературе разных лет существует немало более или менее подробных описаний понятия 'интеллигент', а также попыток осмысления и определения данного непростого понятия (см., напр., перечень фамилий исследователей на с. 5), однако полной, детализированной картиной мы до сих пор не располагаем. Недостаточная изученность указанного противоречиво толкуемого предмета, разноречивой существующих его оценок определяет несомненную *актуальность* исследования, предпринятого Е. И. Рогожиной.

На взгляд рецензента, *научная новизна* полученных соискателем результатов состоит, в частности, в следующем:

1. В обстоятельном и профессионально выполненном описании особенностей речевого поведения социальной группы «советская интеллигенция» периода оттепели и последующей эпохи. При этом, как отмечает автор диссертации, «большинство имеющихся исследований, посвященных речевому поведению персонажей, выполнено на материале текстов эпического рода литературы и преимущественно сфокусировано на анализе авторской речи» (с. 7). Диссертант же описал речевое поведение представителей интеллигенции «через взгляд драматургов-современников», т. е. через стилизацию разговорной речи. Разговорность, как известно, предполагает спонтанность и неподготовленность, стилизация – отбор типовых явлений (в нашем случае –

стилистических маркеров интеллигентности), что, безусловно, открывает дополнительные возможности для научного наблюдения.

2. В разработке двухуровневой модели комплексного (полиаспектного) описания речевого поведения драматических персонажей как представителей определенной социальной группы и в выявлении лексико-стилистических дифференциальных и коммуникативно-прагматических признаков, маркирующих речь героев-интеллигентов в драматургии 1960-1980-х гг. XX столетия.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материал и выводы могут быть использованы для дополнения курсов современного русского языка, теории коммуникации, лингвокультурологии, истории русской литературы (напр., при составлении комментариев к текстам и предварительных пояснений к театральным постановкам прошлых лет, что актуально, в частности, для телеканала «Культура»), а также для пополнения Национального корпуса русского языка.

По теме диссертации *опубликовано* 7 статей, в том числе 3 – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. В публикациях отражено содержание результатов исследования, основные положения и отдельные результаты исследования были представлены на ряде представительных научных конференций, что свидетельствует о состоявшейся *апробации работы*.

Достоверность полученных в диссертации результатов и выводов подтверждается: 1) адекватностью использованных методов и приемов; 2) достаточной репрезентативностью изученного материала; 3) продуманностью и точностью комментариев и пояснений, предложенных автором.

Отдельные *замечания*, точнее, детализирующие дополнения и размышления, возникшие у рецензента по ходу чтения этой ценной и глубокой работы, сводятся к следующему:

1. Согласно положениям, выносимым на защиту, модель речевого поведения интеллигента «включает лексико-стилистический и коммуникативно-прагматический уровни». Первому уровню принадлежат такие маркеры, как

указание на образование, род деятельности, статус персонажа; наличие в речи героя книжной лексики, иноязычных вкраплений, интертекстуальных включений, демонстрирующих эрудицию и культурный уровень. Второму уровню принадлежат следование нормам этикета; предпочтение вежливой, восторженной, иронической, игровой тональности общения; языковая игра, ироничность, тяготение к косвенным способам выражения, аллюзиям и намекам (с. 9–10). Возникает вопрос, чем в таком случае интеллигент отличается от интеллектуала. Заметим, что слово *интеллигент* (ср. англ. *the intellectual*, франц. *intellectuel*, испан. *intelectual*) не имеет точного соответствия в западноевропейских языках, ср.: «Понятие “интеллигент” – типично русское»¹ (см. также с. 38 диссертации, где автор фиксирует, но не комментирует эту точку зрения). Как кажется, прав был Ф. А. Искандер, утверждая следующее: «Интеллигент – миссионер совести и знаний, которые позволяют ему жить по совести»². Если принять эту мысль, то одним из конкретизаторов дефиниции слова *интеллигент* должно быть указание на понятие определенной моральной установки, в частности совести. Здесь отметим: 1) возможность синонимического применения определений *интеллигентный* и *совестливый*, ср.: *На наших же глазах и не святой, а обыкновенный русский интеллигентный, совестливый человек также не искал дела и знал, что надо делать* (Г. И. Успенский. Через пень-колоду. II. Хороший русский тип, 1885); 2) вслед за Н. Д. Арутюновой – непереводимость русского слова *совесть* на языки Западной Европы: так, исп. *conciencia*, итал. *coscienza*, англ. и франц. *conscience*, etc. — это ‘сознание’, но не ‘совесть’³. По мысли русского религиозного философа Н. Ф. Федорова (1829–1903), продажа индульгенций, принятая в западной церкви с XI в. по 1567 г., сформировала более свободное отношение к греху и привела к формированию особого типа личности: «В основе новой истории

¹ Жельвис В. И. Русский интеллигент // Жельвис В. И. Наблюдая за русскими. Скрытые правила поведения: скрытые правила поведения. М., 2011. С. 275.

² Искандер Ф. А. Государство и совесть // Конгресс российской интеллигенции: Москва, 10-11 декабря 1997 г. СПб., 1998. С. 89.

³ Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–78.

лежит индульгенция, этот выкуп или откуп от дела воскрешения. Западно-католическая Европа, освободившись от участия в деле воскрешения, т. е. от христианства и вообще от религии, могла уже без зазрения совести отдаться жизни для настоящего [...] и сделалась таким образом языческою»¹. Как мы знаем, именно в этой языческой «новой истории» стали возможны идеи сверхчеловека (Ф. Ницше), а соответственно, «недочеловека» (нем. *untermensch*) и низшей расы, что влечет допустимость истребления соответствующих народов, etc. Думается, что модель речевого поведения интеллигента должна обрести третий уровень – морально-этический, связанный с такими качествами человека, как способность к осуществлению нравственного самоконтроля, к состраданию, к искреннему раскаянию, etc. Как известно, предварительное разграничение значений термина является той гарантией, которая предохраняет аналитика от потери тезиса. Указанный нами третий уровень необходим для того, чтобы развести понятия («лингвокультурные типы») интеллектуала (напр., Ф. Ницше) и интеллигента (напр., Ф. М. Достоевского – человека «больной совести», по ставшему крылатым выражению М. Горького²). На с. 68 соискатель фиксирует отдельным абзацем мнение культуролога А. В. Соколова, согласно которому «именно этическое самоопределение отличает интеллигента от интеллектуала, поэтому оно является необходимым элементом формулы интеллигентности» [Соколов 2007: 77], но никак это мнение не анализирует и не комментирует; между тем было бы целесообразно либо аргументированно опровергнуть противопоставленность понятий 'интеллигент' и 'интеллектуал', либо аргументированно принять это противопоставление.

Здесь отметим, что автор диссертации по разным поводам и в разных контекстах (в основном в цитатах) несколько раз упоминает понятие 'совесть' (на с. 40 – цитируя М. Л. Гаспарова, на с. 42 – цитируя Н. Я. Мандельштам, на с.

---

¹ Федоров Н. Ф. Религия – культ предков и воскрешение // Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1994. С. 186.

² М. Горький о литературе. М., 1961. С. 67.

47 – цитируя Г. Н. Складневскую), однако должного внимания этому понятию не уделяет, между тем здесь было бы целесообразно либо аргументированно подтвердить тесную связь понятий ‘интеллигент’ и ‘совесть’, либо аргументированно опровергнуть такую связь.

2. Желательно было бы пояснить выбор временной рамки объекта диссертационного исследования – «речи героев-интеллигентов, зафиксированной в советской драматургии 1960-1980-х гг.» (с. 5). Здесь нельзя не заметить, что в настоящее время понятие ‘интеллигент’ приобрело если не исторический, то явно уходящий характер и практически замещено понятием ‘интеллектуал’, что отвечает ретроспективному характеру рецензируемого исследования.

3. Рассмотрение истории вопроса obligatorно предполагает критический анализ, между тем в некоторых случаях необходимые критические комментарии и разборы в диссертации отсутствуют, а характеристика точек зрения и концепций обретает перечислительный характер (таковы, напр., представленные на с. 19 – 21 типологии авторских ремарок), ср. также: «Л. П. Крысин разграничивает понятия “интеллигент” и “интеллигенция”, определяя интеллигенцию как слой людей, обладающих определенным уровнем образования и культуры и занятых умственным трудом, а интеллигента как человека, обладающего большой внутренней культурой, который не обязательно должен являться представителем этого социального слоя и иметь высшее образование: “интеллигента можно встретить и в университетской аудитории, и в заводском цеху, и за штурвалом комбайна” [Крысин 2001: 92]» (с. 41). Однако едва ли для речи советского рабочего или колхозника характерны такие речевые маркеры, как «преобладание вежливой, восторженной, иронической и игровой тональностей», а также «склонность к метаязыковой рефлексии, метафоричности речи, использованию языковой игры и иронии, средств выразительности речи, аллюзий и намеков» (с. 226, см. также положения, выносимые на защиту). Видимо, следует (во избежание потери тезиса) развести, детально исчислить и затем учитывать различные контекстуальные значения и смысловые оттенки слова *интеллигент* как несопоставимо разные контекстуальные

его применения, в нашем случае: а) интеллигент «в университетской аудитории» – ‘интеллектуал, вузовский работник’; б) интеллигент «в заводском цеху» и «за штурвалом комбайна» – ‘вежливый, культурный человек’.

4. Отдельные суждения представляются оторванными от соответствующей исторической ретроспективы. Так, диссертант совершенно справедливо констатирует: «Отдельную проблему составляет анализ художественной речи, представляющей специфическую коммуникативную систему, все средства которой подчинены прежде всего эстетической функции [Зайцева 2002: 48]» (с. 4). Здесь уместно было бы, в дополнение к верному наблюдению И. П. Зайцевой, упомянуть также трактовку языка художественной литературы как «языка эстетических ценностей», предложенную в свое время Ю. С. Степановым¹ и, как известно, восходящую к Обществу изучения поэтического языка и Московскому лингвистическому кружку (т. е. русской формальной школе). В этой научной парадигме считается, что план выражения художественной речи подчинен эстетической функции, которая может быть определена, вслед за Б. В. Томашевским, как связанная с выражением «эмоции восторга и любования», со способностью речи «привлекать нас своею красотой»²; данная функция проявляется, если адресант включает «установку на выражение»³, т. е. «начинает обращать внимание на внешнюю **форму** своей речи»⁴; таким образом, в художественном произведении язык выступает «как материал искусства»⁵.

Очевиден тот факт, что высказанные нами замечания имеют частный характер, побуждают скорее к теоретической дискуссии, чем к оценочным суждениям, относятся преимущественно к используемой терминологии, а потому

---

¹ Степанов Ю. С. Язык художественной литературы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997. 668.

² Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996. С. 64 и 100, ср. Шкловский В. Б. Искусство, как приём // Поэтика. Пг., 1919. С. 102.

³ Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок 1-й. В. Хлебников. Прага, 1921. С. 10.

⁴ Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 36.

⁵ Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений [1945] // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 129.

не снижают ценности научного исследования, предпринятого Е. И. Рогожиной.

Анализ работы позволяет прийти к следующему *заклучению*. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5 Русский язык. Языки народов России, указывающему на актуальность исследований в сфере «Лексический строй русского языка, другого языка России (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология в их связи с внеязыковой действительностью)» (пункт 4), а также в следующих указанных здесь приоритетных областях исследования: «Национально-культурная специфика вербального и невербального поведения народов Российской Федерации: традиции и инновации. Социолингвистические аспекты русского языка [...]» (пункт 9) и «Исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний [...]» (пункт 10). Соответствие указанным пунктам паспорта специальности состоит в разработке оригинального полиаспектного описания лингвистически и культурно релевантного понятия 'интеллигент', прежде всего с двух таксономически значимых точек зрения: 1) лексическо-стилистической (см. главу 2); 2) коммуникативно-прагматической (см. главу 3).

Оценивая диссертацию Е. И. Рогожиной в целом, отметим солидную и репрезентативную иллюстративную базу, строго выверенную аккуратность ее оформления, а также логически последовательный, алгоритмизированный и детализированный стиль изложения. Диссертация изложена научно и методически грамотно, имеет законченный характер, все ее выводы и теоретические положения логически и эмпирически обоснованы, личный вклад соискателя в изучение и решение избранной им научной проблемы представляется бесспорным.

Автореферат отражает основное содержание работы. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным пп. 9-11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Е. И. Рогожина, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»,
профессор кафедры русского языка и методики
его преподавания института русского языка и словесности,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации
Москвин Василий Павлович

27 января 2025 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.02.01 Русский язык.

Адрес места работы: 400066, г. Волгоград, просп. им. В. И. Ленина, д. 27

Рабочий e-mail: vsru@vsru.ru, рабочий телефон: +7 (8442) 24-13-60

Подпись сотрудника ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет» В. П. Москвина удостоверяю:

